

Дмитрий Коробков
Я орёл

Рассказы и повести

Дмитрий Коробков

Я орёл. Рассказы и повести

«Издательские решения»

Коробков Д.

Я орёл. Рассказы и повести / Д. Коробков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834902-7

В сборнике рассказов и повестей собраны все жанры. Рассказы о юношеской любви и повествование из больничной палаты человека, впервые оказавшегося в лечебном заведении. Фантастика и мистика. Иронический детектив сменится юмором. Ужасные истории подведут вас к философским рассуждениям. Повесть о преданном и любимом друге. Калейдоскоп рассказов на разные темы закончится интересными сказками. Часть рассказов и повестей уже опубликована отдельными книгами, а также содержится в сборнике «Финики».

ISBN 978-5-44-834902-7

© Коробков Д.
© Издательские решения

Содержание

Хирургия	6
Часть 1. Реанимация	7
Часть 2. Знакомство	12
Часть 3. Лечение	16
Часть 4. Выздоровление	21
Финики	24
Любовь – морковь, или картошка	28
Снегурочка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Я орёл

Рассказы и повести

Дмитрий Коробков

© Дмитрий Коробков, 2020

ISBN 978-5-4483-4902-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хирургия

Часть 1. Реанимация

«Ну, вот и проснулись. Необычное для меня утро. Кажется, ночью я даже не пошевелился. В этом положении отключился вчера, в этом же положении проснулся сегодня. Какое хорошее утро. Должно быть даже замечательное. Чистое весеннее небо с чёрными ветками деревьев, – это всё, что мне видно через окно. Набухших почек с молодыми листьями на ветвях этих деревьев мне не видно, но они там есть, я знаю. Они набухают, наполняясь соком, подготавливаются к новой жизни. Жаль, что в этом году моя весенняя охота, кажется, не состоится. Да, что там, кажется, не состоится, это точно. А как хотелось бы вдохнуть полной грудью всю свежесть наступившей весны. Прозрачная синева неба, словно разбита на множество осколков недвижимыми ветвями деревьев. Этот ограниченный пейзаж, картиной во всю стену, единственное, что мне видно в огромное окно реанимации. А ведь за окном апрель. Весенняя утиная охота, день рождения сына. Неужели я не смогу его поздравить дома? Кто знает, насколько я здесь задержусь. Ещё в окно видна крыша невысокого строения. Кто-то сказал, что это здание морга. Кто говорил? Кому? В памяти не отложилось. Запомнилось, что морг. Удачное расположение, прямо под окнами реанимации, – бодрит. Хорошо, что видна только крыша и мне не придётся вести отрицательную статистику этого славного медицинского учреждения, приютившего меня на неопределённое время. Всё-таки интересно, на какое?»

– Как себя чувствуешь? – Залетел в палату дежурный врач, которого я вчера немного напряг.

– Нормально.

– В окно не сиганёшь?

– В окно? Зачем? – не понял я его.

– Так, шутка. Откачивал я тут одного, а он в окно собрался прыгать.

– А я здесь причём?

– Да так просто. Вот здесь расписаться надо, – он положил рядом со мной бумаги, протягивая ручку.

– За что?

– Согласие на операцию, на переливание крови, отказ от претензий, и прочее.

– Так мне ж ничего не переливали. У Вас крови-то не было...

Я вспомнил, как поступил в больницу. Отравившись накануне вечером, видимо курицей, а возможно и поранив свой пищевод мелкой костью, при поедании пернатой, не слишком тщательно пережёвывая её плоть, меня стошнило утром. Капля крови в тазике тогда не вызвала у меня особой тревоги. Я сполоснул его и, поставив у кровати снова лёг. Это недомогание внесло коррективы в мои субботние планы, но я ещё надеялся, что не на весь день. Когда вдруг стошнило во второй раз, крови оказалось больше, это заставило вызвать «Скорую помощь». Медики приехали довольно быстро, вернее один медик. Молодой врач, или фельдшер, я не силён в медицинской терминологии, не нашёл у меня ничего кроме отравления. Но, как по заказу, меня вдруг стошнило кровью в пластиковый тазик прямо у него на глазах. Это уже была не капля. Крови было так много, что врач перепугался не на шутку.

– Лёд, мясо, всё, что есть в морозильнике, неси сюда! – приказал он дочери, которая была дома.

Она принесла замороженное мясо и морковку, льда не было. Обложив меня со всех сторон холодными продуктами, он воткнул в руку капельницу.

– Найди, кто поможет перенести его в машину, – вновь обратился он к ней.

– Да ладно, я и сам дойду, если надо, – попробовал я разрядить возникшую суету.

Но фельдшер не обращая внимания на мои слова, снова окольцевал мою свободную от капельницы руку надувной манжетой. Вторично измерив мне давление, он позвонил своему водителю. Вернулась дочь с соседом. Поднялся водитель с мягкими носилками, или чем-то похожим на это. Хотя мне казалось, что я в состоянии сам спуститься к машине скорой помощи, меня погрузили, вынесли. Грузовой лифт ждал нас на этаже. Ещё одна соседка стояла в нём, удерживая кнопку «Стоп». Повезло, что день был выходной – почти все соседи дома.

Жена с сыном, сразу после завтрака, ушли в спортивную школу на соревнования сына, которые я тоже надеялся застать, пусть даже не с начала. Мне казалось, что тошнота пройдёт, и я успею к ним присоединиться. Первый раз пропускаю его выступление.

– В какую? – спросил водитель фельдшера.

– В ближайшую!

– Ясно.

В машине фельдшер держит пакет с лекарством, которое поступает в меня по капельнице. Рядом дочь. Они как-то жалостливо смотрят на меня. Дополнительный эффект трагизма создаёт вой сирены скорой помощи. «Неужели всё так хреново? – возник в голове вопрос, – или просто положено её включать»? Я не чувствовал глобального ухудшения самочувствия, так мутит слегка. Всё, кажется, как было утром. «Я нормально ходил по квартире, – вопросы складывались в непонимание происходящего, – пил кофе. Только от завтрака отказался». Скорость машины резко замедлилась, сирена стихла. «Видимо приехали. Быстро! Череду крутых поворотов, – точно едем по территории больницы. Сдаёт назад. Стоп». Отдав мне пакет капельницы, фельдшер катит меня по коридору больницы. Заезжаем в лифт. «Недолго, наверное, второй этаж». Он звонит в дверь. «Вот как интересно; никогда не думал, что в больнице есть звонки и запертые двери. Сейчас раздастся: „Никого нет дома“». Не раздалось, дверь открыли. Меня завезли в открывшиеся двери, подошли медработники.

– А что вы сюда его привезли? – возмутился невидимый мне голос, – порядков не знаете? Везите его в приёмное отделение, пусть оформляют, как положено, и решают, куда его направлять.

– Да из него при мне литра два крови вылилось, – оправдывался фельдшер.

– Посмотрите на него, – обратил на меня внимание недовольного врача его помощник, стажёр или медбрат.

Врач подошёл, посмотрел на меня. Не знаю, что он увидел, но его тон и голос резко изменились.

– Адреналин, капельницу!

Всё вокруг засуетилось. Сёстры быстро, но аккуратно сняли с меня футболку, не задевая иглы в руке. Спортивные штаны вместе с трусами и носками также покинули меня. Укрыли простынёй.

– А это ещё зачем? – удивился я, что меня полностью обнажили.

– Так надо, – сухо ответил врач. И обращаясь к фельдшеру:

– Бери его паспорт и сам всё оформи в приёмном отделении.

Около ключицы что-то с хрустом меня пронзило. «Ещё одна капельница, прикольно, мне, что так плохо»?

– Какая группа крови? – обратился врач ко мне.

– Третья.

– Отрицательная или положительная?

– Отрицательная.

– Плохо.

– Что плохо?

– Нет у нас третьей отрицательной! Если проблема с желудком, то мне придётся тебя резать, а крови нет! Если с пищеводом, то можно попробовать...

Это откровение прозвучало полу приговором, но почему-то совершенно не тронуло меня. «Мне действительно так плохо, что уже не волнует, выйду я отсюда или нет? Странно лёжа я чувствую себя почти нормально, правда, в меня постоянно вливаются всякие препараты... Мужик, стало быть – хирург».

Меня повезли обратно к дверям, через которые вкатывали сюда.

«Вот ведь, – ухмыльнулся я про себя, – так ногами вперёд и выкатывают. Хоть бы каталку развернули, что ль для приличия».

– Куда его? – у лифта, с моими вещами, стояла дочь.

– Жизнь спасти! – буркнул врач, озадаченный отсутствием нужной для операции крови.

Из лифта, минуя коридор, каталку завези в кабинет со всяким медицинским оборудованием. Ещё один медик, хозяин кабинета, уже нас ждал.

– Попробуем найти источник кровотечения.

У меня вынули из руки иглу капельницы и отсоединили ту, что была под ключицей. Катетер закрыли пробкой, а меня повернули на бок. В руках у хозяина кабинета оказался странный шланг. «О, как! Сейчас эту хреновину в меня засовывать будут, – неприятная неожиданность встревожила меня, – я в жизни не делал никаких „скопий“ с заглатыванием „кишки“. Но это не кишка, это какой-то огромный шланг». В рот брызнули и вставили пластиковую втулку. Дежурный хирург держал мне руки, а другой, со шлангом, стал засовывать его мне в рот, через зажатую в зубах втулку, прямо в горло... Я стал давиться, тошнота рвалась наружу. Импульсивные движения были естественны и бесконтрольны.

– Держи его, что смотришь? – крикнул хирург своему помощнику.

Тот здоровяк навалился на меня. «Ну, что они делают? – накрыло меня ужасом, – неужели не понимают, что я сейчас задохнусь»? Толи мои мычащие конвульсии, толи врач со шлангов увидел на экране монитора поднимающуюся лаву, но только он поспешно выдернул из меня своё орудие и я обильно обдал кровью всё вокруг себя. Медики ослабили хватку. Ещё раз брызнули мне в горло. Милосердно дали возможность отдышаться пока обтирали шланг с загубником. Вторая попытка проходила чуть менее противно, но я терпел.

– Нашёл. Разрыв пока не очень большой. Можно попробовать запаять.

«Вот только паяльника мне не хватает для полного счастья. И утюжком прогладить».

Я ничего не почувствовал, из того, что происходит у меня внутри. Шланг во мне и медики на мне парализовали не только возможность двигаться, но чувствовать.

– Сейчас залью шов лекарством...

Он ввёл, что-то в шланг снаружи тогда только я почувствовал лёгкий холодок у себя внутри. Лекарство разливалось по обожжённой ране. Шланг извлекли. «Какая интересная штучка! – теперь, с облегчением, смог констатировать, – и камера, и лазер, и трубопровод». Окровавленную подушку из-под меня убрали. Обтёрли лицо. Подсоединили капельницу. Молча покатали обратно.

У дверей лифта второго этажа подбежала дочь.

– Что с ним?

– Нормально. Считай, что повезло.

Меня закатали в просторную палату. Поменяли простыни, а вот другой подушки у них не нашлось. Сунули под голову свёрнутое одеяло, покрытое простынёй, – жестковато. В палате ещё трое, но тут кажется, не представляются... Оставшаяся часть субботы прошла без приключений. Соревнования сына я всё-таки пропустил.

Я поставил свои кривые загогулилки на всех бумагах дежурного хирурга. Рука почему-то плохо слушалась.

Вставать мне нельзя, нельзя даже сидеть. Здесь строго. Но это не страшно, что ничего нельзя, у меня всё равно нет сил практически ни на что. Вот если бы силы и желания были,

а не было бы возможности, тогда, это обидно – быть привязанным к кровати. Но нет, я не привязан к кровати в прямом смысле, как наркоман в ломке, разве что трубкой капельницы. И всё на своём месте: я, в кровати, катетер во мне, в нём трубочка капельницы на стойке. Стойка капельницы напоминает стойку бара. На ней сразу несколько склянок и пакетиков с лекарствами, а тот здоровяк, словно бармен – шприцует их разными добавками и поочередно подключает к моему кровотоку. Правда, эйфории я от этого не ощущаю. Да, ещё музыки нет с танцами.

Впервые в жизни оказался в больнице в качестве пациента и сразу такая «удача» – реанимация. Всё окружено вниманием и заботой, прямо обслуживание в номерах: раздели, уложили, вот только совсем не кормят, даже пить не дают из медицинских соображений, естественно, и моих ограниченных возможностей.

Соседями по палате оказались соседки. «Вот оно – лежу обнажённый в компании трёх обнажённых женщин. Да, палата четырёхместная, прямо групповуха какая-то. Хорошо хоть, что все прикрыты простынями, и нельзя подниматься, а то могло бы получиться забавное кино... Я стал представлять себе, как все четверо, держась за стойки капельниц, бредут по сумеречному коридору, озаряемому мерцающими вывесками «Выход» или что-то в этом роде. Хичкок отдыхает! Голые бабки с капельницами... Фильм и реальность будут несопоставимы, главное чтобы это теперь не приснилось, ночных кошмаров мне только не хватало. Рядом со мной, но на достойном расстоянии между кроватями – каталками, лежит возрастная дама с неясным пониманием происходящего. Она периодически снимает с себя маску, усаживаясь на кровати. Я отворачиваюсь. Её укладывают, укрывают, надевают маску. Наверное, там кислород или что-то ещё, но сама маска ей явно надоела.

Напротив меня лежит почтенная бабуля с дополнительной трубкой для питания. Видимо она здесь давно, раз её приходится кормить таким образом. Бабулька не издаёт ни звука и не шевелится. Смирный пациент.

Только по диагонали от меня, у окошка лежит, кажется, молодая женщина. Кажется, только по голосу, которым она обращается к персоналу. Её лица мне почти не видно. Слышно только когда она просит «утку». «Неужели и мне придётся делать подобное в дамском обществе? – новый ужас охватил меня, – голодная диета мне в помощь!» Между собой все четверо, включая меня, не сказали друг другу ни слова. «Какая эгоистичная невежливость».

В воскресный день медики больше «колдовали» надо мной, видимо как за новичком. Дежурный хирург подходил ко мне чаще, чем к другим, постоянно давая указания своему помощнику, который пичкал меня внутривенно лекарственными изысками.

– Завтра тобой займётся лечащий врач. Моё дежурство заканчивается, – попрощался со мной хирург реанимации.

– Спасибо.

Настало утро понедельника. Немного хочется есть, но больше пить. Однообразие положения на кровати несколько тяготит. Хорошо, что катетер воткнули не в руку, а в области ключицы, это давало относительную свободу в выборе положения. Я переворачивал себя, то с боку на бок, то на спину, как блин на сковородке, не давая «подгореть». Блин конечно на бок не повернуть, как и меня на живот. Некоторое смущение вносили медсёстры со своими, нет скорее с моими, гигиеническими процедурами. Они, в четыре руки, обтирали моё обнажённое тело с одновременным обсуждением вопроса: «На кого я больше похож? Кого-то я им напоминаю»? Перебирая известных киноактёров, медсёстры бесцеремонно брызгали на меня из аэрозольного баллончика, протирая салфетками, как будто бы полировали мебель. Сошлись на Шаропове. Поскольку моя реакция или вернее одушевлённость их совершенно не волновала, перестал беспокоиться и я. Даже мои интимные места никак не реагировали на прикосновение к ним женских рук. Видимо всему виной были их перчатки, да недостаток крови в моих

органах. Зубы чистил сам жидкостью на ватной палочке. Жаль не побрили. Придётся принимать обход слегка заросшим щетиной.

Лечащий Врач оказалась – женщина. Обходительная, средних лет, после обхода и знакомства с историей моей болезни она принесла мне бутылочку воды.

– Пить можно, но только по чуть-чуть, не глотками, я цедить!

Такое послабление в моей диете очень обрадовало меня. Последний раз я делал глоток ещё субботним утром. Теперь хоть разрешили воду пить из бутылки со специальной крышкой, дозирующей поток. От скуки я разглядывал эту занимательную палату, напичканную всякими штучками, приборчиками, трубочками и нескончаемо бурлящими пузырьками воздуха для дыхания соседки. Круглосуточные капельницы в режиме «non stop». Приходящий электрокардиограмщик, занятный парнишка, вносил некоторое разнообразие или даже развлечение в монотонность моего пребывания.

В реанимационном отделении стёкла стоят не только в оконных проёмах, но в стенах и двери, выходящих в коридор. Прозрачная стена позволяла медикам видеть нас, не заходя в палату, а мне подглядывать за ними. В коридоре хоть изредка, что-то происходило. Кого-то привозят. Кого-то отвозят... В окне не происходило ничего, кроме тоски по весне.

На четвёртый день меня неожиданно обрадовали йогуртом, принесённым на завтрак. Никогда прежде я не испытывал особой симпатии к этому продукту, а сейчас с нетерпением ждал ложечку. Вместо неё появилась лечащий врач.

– Ничего не ел? Отлично! Воду тоже не пей. Сейчас поедем, посмотрим, как там у тебя всё заживает.

Через некоторое время она катила меня к лифту. Первый этаж. Кабинет экзекуции с заглазыванием «кишки». Теперь без загубника и трубочка тоньше, это должно быть проще. Напрыскали в рот из баллончика. Ну, понеслась.

– Всё идёт хорошо, – констатировала врач, – но пока ещё полежишь у нас.

Она вернула меня в отделение реанимации, где мой йогурт исчез самым таинственным образом. Не успев вкусить всей прелести возможно натурального продукта, я удовлетворился водой.

«Ну что ж, – почти не огорчился я, – потом отъемся».

Часть 2. Знакомство

Настал день моего переселения. Переезд из отделения реанимации в хирургическое отделение, как я и предполагал, осуществлялся натошак.

Это путешествие было словно детский аттракцион (чему только не обрадуешься в моём положении). Улыбающийся взгляд провожающего лечащего врача и, крепкая медсестра с лёгкостью устремляет мою дребезжащую каталку по коридору к лифту. Грохот железных дверей, кнопка, запускающая подъёмный механизм, взмывающий меня ввысь. Ввысь оказалась не заоблачной, а всего ещё пара этажей, где свои объятия распахнуло для меня хирургическое отделение. Снова грохот дверей и моя каталка под управлением опытного «пилота больницы Формулы» уже закладывает вираж в коридоры моего нового местообитания. Финал аттракциона – переброска моего тела на финишную кровать.

Вновь ощущение некоторого дискомфорта из-за отсутствия моих личных вещей. Оказалось, их отдали родственникам, словно предполагая, что они мне больше никогда не понадобятся. Сплошные оптимисты. Хотя, возможно, я так и выглядел. Однако нагота и отсутствие подушки не самые удобные составляющие для знакомства с новыми соседями. Странно, что новая кровать также оказалась без подушки. Это как наказание какое-то за подушку, испорченную мною во время операции. Под голову мне сунули всё тоже жесткое одеяло. Спустя некоторое время мне принесли подушку и пижаму. Я так этому обрадовался... Мягкая, в клеточку пижама ласково окутала моё тело. Она воодушевила меня на исследование нового пространства. А мягкая подушка, приветливо обнявшая мою голову, располагала к отдыху. Знакомство с соседями, каждый из которых заслуживает отдельного внимания, происходило постепенно. Внимание – вот что порой необходимо даже самому закоренелому отшельнику, а тем более почти беспомощному мне.

Размеры новой палаты были такими же, как и в реанимации, только стена с дверью в коридор были не прозрачными. Период жизни «за стеклом» или «рыбки в аквариуме» сменился на «рыбку в консервной банке», где дверь палаты была открывающаяся крышкой, а мы тут лежим рыбками, благо, что не в собственном соку. Приходящие медсёстры тычут в нас иглами, словно вилками. Кому в вену, кому в мышцу. Да, и больных здесь обитало чуть больше, – шестеро. Лежачим, оказался только я, хотя и не сразу это понял. В меня вселилась уверенность, или даже самоуверенность. Мне показалось, что раз меня сюда переместили, значит со мной всё в порядке. Значит, мне уже можно будет не только лежать, но сидеть на кровати и перемещаться в пространстве. Остальные ведь свободно ходили по палате, выходили в коридор, временно покидая нашу «консервную банку». Я же, не чувствуя более неудобства из-за отсутствия одежды, преисполненный оптимизма, нагло и самоуверенно решил подняться, чтобы пройти до туалета.

– Ребят, не проводите меня, ну так для страховки, – обратился я к двум молодым сопалатникам, лежащим напротив меня.

Их не очень болезненный вид и активность, подсказывали мне, что ребята близки к выписке.

– Конечно, – подхватили они мою инициативу.

Как я мог забыть про существенную потерю крови? Видимо её отсутствие в совокупности с голодной диетой временно отключило мой мозг. В горизонтальном положении, слабый кровяной ручеек всё-таки как-то умудрялся омыwać мои внутренние органы, создавая иллюзию благополучия. Но, легкомысленно приведя своё тело в состояние близкое к вертикальному, я просто слил весь свой кровяной запас к ногам. Нет, с минуту я ещё держался. Потихоньку дойдя до двери, радостно выглянул в коридор и, отключился. Очнулся в центре общей суеты и внимания медперсонала.

– Аккуратно! На кровать его перенесите.

Общими усилиями меня вновь водрузили на предписанное ложе. Привязывать не стали, но пришлось выслушать длинный монолог занудного человечка в белом халате. Он показался мне маленьким и злым.

– ... и запомни: сначала только пробовать сидеть на кровати, постепенно увеличивая время. Только сидеть! Не вставать! И то, я думаю, что это можно будет делать не в ближайшие дни.

Так я познакомился со своим новым лечащим врачом и хирургом, «по совместительству», как оказалось впоследствии. Лёжа, ко мне вернулись: неплохое самочувствие, способность трезвого мышления, бодрость духа и надежда, что восстановление организма будет не очень длительным.

Сколько всего нового, необычного может подкараулить нас, внезапно обрушив на голову неведанное доселе! Всегда находясь здоровым и молодым, вне зависимости от возраста, разве мог я предполагать, что первая же моя прописка в больнице, а тем более в реанимации, случиться не по причине падения кирпича на мою светлую голову, или тайфуна, где-нибудь там, на Сицилии. «Первая потеря сознания! – отметил я, – вот как это происходит. А то всё раньше никак не мог понять, как это люди падают в обморок. Теперь понятно, почему обмороки чаще случаются с женщинами. Помимо фантастического разнообразия их голодающих диет, „слабый пол“ ещё периодически обескровливается». Словом, вставать мне запрещено.

Так вот соседи. Палата шестиместная. Слева от меня лежит кавказец. Между ним и стеной достаточное место для раковины, справа от которой дверь в палату. Как выяснилось позже: кавказец, это чеченец, живущий на Украине, но имеющий Российское гражданство, или наоборот, неважно, главное, что имеющий доступ к медицинскому обеспечению в Москве. Дядька хороший, давно уже ходячий. Но, к сожалению ходячий не только по нашей палате, а ходячий из одного отделения этой больницы в другое. Причём уже не первый месяц. Поступил сначала в терапию. Впоследствии, был переведён в хирургию. Была вроде операция, но что-то там у него всё прошло не совсем так, как ожидалось. В общем, мужик временно питался специальной смесью из пакетиков через трубочку. Он мог лишь мечтать почувствовать вкус хоть какой-то еды. Его «временное» питание в обход рта так затянулось, что он как-то сказал: «Вот бы поглотить хороший мосол бараньей ноги...» Думаю, однако, что глядя на приносимые мне кушанья, он не сильно завидовал. Я сам до конца не понимал, что мне приносят. Даже после того, как съедал, оставался вопрос: «Что это могло быть?»

Порой трудно представить себе те или иные неудобства, внезапно постигшие организм, пока этот организм чужой. Обморок, невозможность встать, – всё это явления временные, я в этом уверен. А если нельзя встать никогда? Или что-то другое, но никогда? Неприятно, очень мягко говоря. Тот дядька тоже был уверен в своём временном состоянии, но оно было столь затянувшимся, что мечта о бараньей косточке порой звучала как несбыточная, поскольку была озвучена не единожды. Его пребывание скрашивали ежедневные посещения родственниками и земляками. Они приходили, как правило, целой компанией. От двух до пяти человек. Всегда весёлые, но спокойные, не шумные, уважительно относящиеся к остальным болезным в палате. И если в это время кавказец не был привязан к капельнице, то все они выходили в общий холл.

Соседом справа, у окна, сначала был молодой парень. Он покинул больницу на следующий день, поскольку завершил весь комплекс медицинского обследования по направлению от военкомата. Ему на смену пришёл дедок. Дяденька, не сильно дряхлый, однако потрёпанный жизнью и вредными привычками. О вреде всех этих привычек известно каждому, но сладость «запретного плода», эйфория поднятого градуса, дымная пелена табачного дыма и прочее всё же манят, увлекают, а впоследствии нередко завладевают мыслями, умами, судьбами людей. Но это лёгкое отступление к дяденьке мало относится. Не до эйфории... Скорее неполноценная еда в детстве, да суррогатный алкоголь в молодости лишили его части желудка ещё

несколькими годами ранее. Сейчас у него случилось какое-то обострение. В былые времена, работая плотником на стройках, он вставлял окна и двери в столичных новостройках. Работал и в летнюю жару, и в зимний холод, неся благоустройства в наши жилые кварталы. Видимо уже не первое обострение внутренних шрамов привело его на больничную койку.

Однако этот дедок оказался слегка хлопотным для меня. Даже заставил понаблюдать за ним. Да не просто наблюдать, а почти шпионить! Подтолкнуло меня к столь неприглядной миссии, а точнее даже принудило – моё тесное с ним соседство. То, что некий безымянный хирург наотрез запретил ему бросать курить, верилось, конечно, с трудом. Однако со слов дедули, именно хирург, резавший ему когда-то желудок, сказал, что если бросишь курить – умрёшь! Якобы: «Слишком большой стаж курения». Вот дедок и боролся за свою жизнь с помощью перекуров. Конечно, в хирургическом отделении курить запрещено, наверное, как и во всех остальных отделениях, – больница всё-таки. Хотя разве поймёшь этих медиков, если вдруг дед не врал? Но ведь туалет, это такое некое государство в государстве. Здесь свои законы, порядки или скорее их отсутствие. В конце концов, каждый волен издеваться над своими лёгкими используя собственные фантазии и возможности, которые не должны выходить из уборной комнаты. Но, экономный с детства дедок, воспитанный в бережливом ключе тотального дефицита прошлых времён привлёк моё внимание. Возвращаясь с перекуров, он приносил с собой страшно неприятный запах. Нет, не тот запах из курилки, который многим знаком и с течением некоторого времени частично выветривавшись, приглушается. Тот был иным. Мерзкая, не проходившая со временем вонь. Такая исходит от затушенных окурков. Но как? Мне даже в голову не могло прийти, что в пачку с ещё целыми сигаретами он прячет свои окурки, оставляя их «на потом». Я был уверен, что те времена, когда была необходимость беречь каждую вонючую крупицу, уже давно канули в лету. Ведь это зловонье пропитывает целые сигареты в пачке. Конечно, он не баловался ароматизированными «Золотое руно», предпочитая простенькую «Ява», но запах чистого табака всё же лучше. Мне, например, всегда был приятен запах сигарет, а ещё лучше сигар. Даже бросив курить более двадцати лет назад, я могу с удовольствием понюхать хороший табак. Времена то в лету канули, а вот дедок остался. Остался верен себе и своим привычкам. Разоблачив его скрытую угрозу, я был вынужден проявить бдительность, отслеживая перекуры деда. Пришлось взять под контроль, что он несёт с собой в палату. Даже предлагал ему деньги на сигареты, только чтобы он не травил меня из тумбочки, разделяющей наши кровати. Деньги он не взял, но стал перепрятывать «бычки» в коробок со спичками. Спички пришлось отобрать, заменив их зажигалкой. Так от окурков в палате мы избавились. Я не видел, как расставался он с ними в туалете, надеюсь, что без слёз. А может быть стал прятать там свои «зачапки».

Теперь троица напротив. Крайний левый, тот, что ближе к двери, – возрастной дядька, а может даже дедушка. Бывший военный, что угадывалось из его речей. Нудный, всем недовольный пациент. От его занудства хотелось поскорее начать ходить, чтобы сбежать из палаты. Вот только немного было жаль его бедные руки, все истыканные иглами для капельниц. Катетер в руку ему догадались поставить не сразу. Видимо это решение долго зрело у медсестёр, пока на нём не осталось девственного места для упражнений с иглами. Медперсонал поочередно практиковался на больном. Не может быть, чтобы это была спланированная месть за его занудство. Глядя на него я каждый раз отмечал свой катетер у ключицы, с изящной пробочкой, гарантировавший мне неприкосновенность моих вен. Ничем другим этот гражданин в углу мне не запомнился.

Прямо напротив меня, по центру, лежал Бомж. Его так прозвали, хотя он вполне мог иметь своё жильё. Во всяком случае, регистрация у него была, иначе, как бы он здесь оказался? Историю его появления в палате мне поведали в красках позже, завидуя, что я избежал всех прелестей его новоселья. Он появился грязный, пьяный и вонючий. Прибывая в таком состоянии, Бомж проспал более суток, принуждая остальных довольствоваться лишь провет-

риванием помещения. Когда он «ожил», начал приводить себя в порядок. Реабилитационный период начался с мытья, бритья, смены одежды. Только тогда медсёстры принялись за уколы, капельницы, таблетки. Видимо ничего серьёзного у него не было, просто после запойные проблемы с желудком. В перерывах между назначенным ему лечением, он брал свою одежду из хранилища, перестирывал её, а высушив, уносил обратно. Жизнь налаживалась.

И наконец, последний, крайний справа у окна, Антон. Интересный и добродушный паренёк. Его необычность заключалась в сочетании мягкого характера, наивных, почти детских рассуждений с накаченностью тела, покрытого татуировками. Тату были явно не произведениями художественного искусства, или не данью моды. Они не двусмысленно указывали на уголовный характер их происхождения. Сам он об этом ничего не рассказывал, а напрямую его никто не спрашивал, я тоже. Хотя именно он почему-то был мне симпатичнее других.

Любопытство распирало меня. Поскольку еда сближает не только во время её совместного поедания, но даже разговор о ней может открыть много нового о пристрастиях собеседника и о нём самом, мне удалось удовлетворить свой интерес к Антону. Как-то в разговоре о кулинарии я как бы невзначай упомянул о чифире. Поинтересовался у Антона способом его приготовления. Он отреагировал спокойно, кажется, не замечая смены темы разговора. Поведал мне обо всех тонкостях приготовления этого напитка на свежем воздухе лесоповала. Следующий его ответ на, как показалось мне вполне логичный безобидный, даже шуточный вопрос, что-то вроде: «И сколько ты чифирил» ввёл меня в ступор. Такого я не ожидал. Пауза затянулась, но я не мог сложить в своей голове срок, к которому его приговорили с внешностью, характером и возрастом этого паренька. Антон, по его словам, конечно, попал на «зону» «по глупости», как и все. Только глупость у всех разная. Но дело даже не в этом, а в том, что за его глупость парню дали шестнадцать лет! Я был несколько шокирован подобной цифрой; не мог себе представить, что надо было сотворить. Хотя я совершенно не знаком уголовным кодексом. Однако невольно вспомнились и черти из «тихого омута», и прочие поговорки. Я просто спросил его о столь «дорогой» глупости. Ответ Антона очень походил на реальность. Тем более вписывался в его характер. Дело в том, что одно и то же деяние (преступление) наши доблестные следственные органы, нет, не те, что в сериалах борются с разбитыми фонарями, а реальные, могут квалифицировать по-разному. «Пути Закона неисповедимы, – перефразировалась у меня в голове другая поговорка». Подгоняя уголовное дело под ту или иную статью можно манипулировать сроками предполагаемого заключения. Это даёт следственной системе, и без того имеющей колоссальные рычаги давления на подозреваемых, дополнительные возможности для выдавливания из них любых возможных и невозможных денежных средств. Нет смысла вдаваться в подробности дела моего соседа. Его родственники в итоге смогли скорректировать срок его пребывания на чужбине с пересмотром дела и переквалификацией преступления на менее тяжкое. Сколько конкретно он успел отбыть к моменту своего освобождения, я не уточнял.

Вспомнился мне случайный знакомый из далёкой юности. Тот успел отсидеть несколько лет за убийство, которого не совершал. Впоследствии его освободили, даже выплатили компенсацию. А возможно ли компенсировать такое? Какой человек выходит из неоправданного заключения? Удовлетворённый денежной компенсацией законопослушный гражданин, или озлобленный монстр с подорванным здоровьем, искалеченной душой и нарушенной психикой? Кажется, эти вопросы вообще никого не заботят.

Вот такое беглое знакомство со всеми обитателями нашей палаты. С ними вместе мне предстояло прожить не один день. Роскошное разнообразие пациентов только одной палаты. Сколько их в мужском отделении мне предстояло выяснить позже. А сколько палат в женском – наверное, останется для меня тайной. Вспоминая дам, с которыми мне «посчастливилось» провести время в реанимации, исследование отделения с противоположным полом у меня не вызывало особого энтузиазма.

Часть 3. Лечение

Нужно более подробно остановиться на еде, поскольку кормление пациентов является одной из составляющих комплексного лечения. Особенно когда речь идёт об отделении хирургии. Более половины находящихся здесь больных страдают желудочно – кишечными недугами. Гастриты, язвы, аппендициты и прочее, – всё собралось на нашем этаже. И потом, трёхкратное посещение столовой, – это одно из массовых развлечений доступных практически каждому. В столовой разделённые мужское и женское отделения соединялись.

Мне еду стали приносить соседи по палате и даже те, с кем мне ещё только предстояло познакомиться. Конечно не все сразу, а поочерёдно. Порция мне полагалась только одна. Они называли раздатчице в столовой номер моей палаты и им выдавали пищу согласно моей диете. Так я постепенно узнавал пациентов из других палат. Не всех, к нам постоянно заходили только два – три человека. Остальные, лишь заглядывали за чем, или за кем-нибудь. Многие примелькались сквозь открытую дверь в коридор.

Интересно, что абсолютно все критикуют больничную еду, но как заблаговременно торопятся они выстроиться в очередь за ней. Стоят, смотрят на часы. Начинают позвякивать ложками в бокалах, предвкушая очередной поход в столовую. словно из открывшегося окошка им станут раздавать сочные свиные окорока. А лишь потом, для всех опоздавших, перейдут к измученным костлявым цыплятам, которых искусные повара умудряются поделить на множество порций. Должно быть, этих несчастных худосочных птиц где-то специально выращивают для больничного и прочего общественного питания? Ведь в магазинах куры похожи на кур. Ну, рынки я даже не рассматриваю. Наверное, есть специальные хозяйства, которые выращивают или вернее сдают свою продукцию не «на вес» а «на большее количество» измождённых птичьих шеек. Хотя не исключено, что это специально выведенная порода «диетических кур», без лишней капли жира и мяса заодно. Такой эталон здорового питания для больниц, детских садов, школ и прочих заведений со столовыми. Да, что там лишней, – без единой капли жира. Спецпорода заморышей бесплатного питания.

Не торопились в столовую лишь я, и мой сосед слева. Ну, со мной всё просто: порцию приносили в конце или процессе общей трапезы и выглядело это кушанье так, что описать его не представляется возможным. Это Николай Васильевич Гоголь мог позволить себе наслаждаться описанием приёма пищи Чичиковым, дразня при этом читателя, вырабатывая у него обильную слюну. В моей еде понятно было только то, что она должна быть съедобна. Её вид, консистенция, содержание, были необъяснимы. Пища исключала любые жевательные движения. Не было даже хлеба. Ничто не должно было напрягать мой раненый пищевод. Теоретически это не должно было лишать еду её вкусовых качеств. Должны были оставаться хоть маломальски отдалённые намёки на продуктовую принадлежность. Их не было. Я впервые встретился с кашей без вкусовых ощущений и, не определив крупу из которой её варили. Обеденный суп вообще оставался тайной за семью печатями. Он был чуть жиже, чем второе блюдо, или это второе блюдо было немного гуще первого. Конечно, всё это, прежде всего, предписано мне по медицинским показаниям с самыми благими намерениями. Даже куриное яйцо на завтрак было сырым. Но, это было здорово! Яйца я всегда любил в любом исполнении. Желток сырого яйца имеет замечательный вкус! Впрочем, мой сосед, кавказец, был лишён даже этого. Ему разводили белую смесь, которая медленно по трубочке поступала в организм. Опустевшую склянку меняли жидкостью для промывки системы кормления, – такой десерт. Не удивительно, что он тосковал по вкусу абсолютно любой еды.

– Здравствуйте! – в дверях появилась моя жена.

Отыскав нужного ей пациента взглядом, шурша пакетами, она прошла ко мне. Застав за обедом, сразу стала выкладывать на тумбочку йогурты и соки.

– По телефону мне сказали, что тебя перевели и можно принести йогурт. Я сейчас говорила с твоим лечащим врачом, он заверил, что всё будет в порядке. Только нужно время на заживление раны и восстановление крови. Вечером дочка тебе привезёт детское питание, мясное. А завтра, я говядину сварю, фарш привезу. Врач сказал, что его можно добавлять в ту еду, которую тебе дают здесь. Да, и сок гранатовый, в общем, поднимать гемоглобин.

– Хорошо. Мне бы ещё побриться. Привези всё, что нужно, плюс маленький коврик с зеркалом. До раковины мне не дойти придётся бриться лёжа.

Мы коротенько обсудили произошедшее, перейдя к новостям с «воли». Соревнования сына прошли нормально, третье место. Родственники волнуются, рвутся навестить, лишь ждут «отмашку».

Жена ушла, оставив мне мобильный телефон для связи и книгу, которую я не горел желанием читать здоровым. Но модное произведение произвело неизгладимое впечатление на мою жену, которая решила приобщить меня к своей радости в добровольно – принудительном порядке. Такая трогательная забота о моём больничном досуге даже порадовала меня. «Что ж, „Будем почитать“, как любил поговаривать один мой сослуживец из далёкого армейского прошлого, – стал перелистывать я книгу».

Контингент лечащихся был настолько богат своим многообразием, что не переставал удивлять меня не только собственными персонами, но и причинами их появления в больнице. Только пример одной нашей палаты собрал целый букет разнообразий. Сложить все букеты, выйдет клумба. Плюс женская оранжерея. Кстати некоторые представительницы той оранжереи время от времени прогуливались по нашему коридору, заглядывая в двери открытых палат. Соответственно и я мог видеть их неторопливое дефиле.

Центральный холл с креслами и холодильниками, никогда не пустовал. Не было, правда, в холле телевизора. Вероятно тоже по причине заботы о здоровье и самочувствии больных. Кому пойдут на пользу политические шоу с террористической угрозой? Или не дай Бог разразится скандал между футбольными болельщиками и сериальными фанатами. А так всё тихо, мирно. Молодые и старые, зачуханные пессимисты и оптимистичные идиоты, истыканные ножом в драке и привязанные к кровати наркоманы. Один из таких лежал в коридоре под волейбольной сеткой. Сквозь неё его и лечили. Хотя в основной массе, на этаже были совершенно обычные люди.

Вот, скажем, наш бомж. Чистый, отоспавшийся, он даже стал похож на человека. Как, оказалось, попасть в больницу ему удалось не с первого раза. Это была спланированная им операция. Поставив перед собой цель, он вызывал «Скорую помощь» с жалобами на боли в животе. Его привозили в больницу. Грязного, скверно пахнущего, без ярко выраженных признаков болезни; с ним не хотели заморачиваться, и выпроваживали на улицу. Отойдя немного в сторону, он снова принимался вызывать «Скорую помощь». Приехали, забрали с улицы, повезли в другую больницу. И так до тех пор, пока он не приобрёл себе кров еду и покой в этом благословенном учреждении.

А жизнерадостный Вовка, пациент из другой палаты, пострадал от несчастной любви. Он заходил к нам особенно часто. Приносил мне еду из столовой. Просто заходил поболтать с Антоном и со мной. Всё говорил, спрашивал, общительный такой оказался парень. Разрушившаяся любовь привела его в больницу. Не в прямом смысле, конечно, косвенно. Хотя переживания откладывают самый негативный отпечаток на пищеварительной системе. Жил он в гражданском браке с девушкой. Всё было хорошо, пока они не расстались. Его переживания сыграли свою отрицательную роль в подрыве здоровья. Психологический и эмоциональный фон разрыва отношений с любимым человеком не благоприятствует душевной и физической гармонии. Однако это оказалось вторичным. Основной причиной его появления в больнице стала удивительная неспособность взрослого паренька накормить самого себя. Оторвавшись от родителей, он совершенно не представлял себе, что делать с продуктами, чтобы получилась

еда. Его девушка, как-то справлялась с приготовлением пищи. Но брошенный дамой сердца, он оказался беспомощен перед полуфабрикатами, которые видимо вволю поглумились над его желудком. Когда он расспрашивал, как варить пельмени, было смешно и грустно. Я рассказывал ему о разных способах их приготовления. Он внимательно слушал, искренне удивляясь, жареным и запечённым вариантам. Перебивал мой рассказ уточняющими вопросами, превращая его в инструкцию. А вариант с «пельменной колбасой» сразил слушателя наповал. Такой способ приготовления применим к размороженным и слипшимся пельменям. Их не нужно пытаться разлепить, а наоборот, скатать в плотный цилиндр – колбасу и убрать в морозильную камеру. Затем, нарезав колёсиками обжаривать с двух сторон, это вкратце, но идея понятна.

Появился в соседней палате человек – паук, так его прозвали. Я старался не расспрашивать, не хотелось походить на собирателя сплетен. Мои устремления были направлены на скорейшее выздоровление. «Встану – сам всё увижу». При упоминании о пауке, мне представился некий супермен из детских фильмов, комиксов, мультфильмов. Я был подробно осведомлён об этом герое, поскольку имею двоих детей. Все упоминания о нашем пауке сопровождались шутками и смехом. Моя фантазия рисовала множество картинок, и я довольный, тоже улыбался. Но когда я стал ходячим и увидел причину его прозвища, улыбка слетела с моего лица. Жесток, и часто неоправданно жесток, бывает человек. Очень много говорят о детской жестокости. Какие же мы дети! Оборачиваясь вокруг себя, можно увидеть, сколько людей не взрослеют с годами? А сколько никогда? Уходит только детская чистота. К счастью многие не взрослеют совсем иначе. Закатистый смех и юношеский задор, распахнутая открытость новому и глубокая преданность старому, бодрый, неунывающий дух, словно включённый внутри миксер. Наш паук, над которым подсмеивались многие пациенты, оказался инвалидом. Что-то было неисправно в его кресле – каталке и ему приходилось перебираться в туалет на перекуры самостоятельно. Его переползающие движения имели сходство с пауком. Так оказалось, что человеком он был скверным. Видимо поэтому ему не хотели помогать. Особым состраданием к нему я не проникся, но улыбаться перестал.

Так вот о моей ходячисти. Лежать, говорить, читать и спать, конечно, неплохо, пару дней. Но та дверь в коридор, за которой бурлят события, волны которых захлёстывали в гавань нашей палаты отдельными моментами, манила меня. Новые люди, врачи, медсёстры, душ и накопец, столовая. А как же иначе? Как без неё? Ведь столовая, – это больничный ресторан. Дамское общество, светские беседы на отвлечённые темы, коридорный послеобеденный променад. Я активно стал готовить себя по рекомендациям лечащего врача. Сесть на кровати и просто сидеть, сколько смогу. Звучит, как плёвое дело, а на поверку оказалось не более трёх – пяти минут. После чего плюхался на подушку. Стал засекал время, пытаюсь его увеличивать с каждым разом. Бриться ведь тоже приходилось лёжа, хотя умывальник с зеркалом совсем рядом, шагов пять – восемь, это у кого какой шаг. Правда, в больнице шаг у всех примерно одинаковый.

Шло время, но из сидячего положения я вновь и вновь падал на подушку, словно после марафона. Но быстро приходил в себя. Наверное, через неделю я уже достаточно долго мог сидеть на кровати без признаков дискомфорта. Потом был стул у раковины, где я тоже сидя умывался, брился. Мне ставили его заранее товарищи по палате. Первые прогулки вдоль кровати спинок. После того обморока приходилось соблюдать все меры предосторожности. Первый выход в коридор, после которого перепуганная медсестра хотела бежать за врачом из-за моей чудовищной одышки.

– Это у Вас всегда так? – взволновалась она, увидев меня, усаживающегося на свою кровать.

– Сам... ходил... в туалет! – победоносно прохрипел я.

Шли дни. Я потихоньку креп, соблюдая все предписанные рекомендации. Фарш варёной говядины из дома я добавлял во все блюда. Пил гранатовый сок. Скорейшее восстановление

утраченного гемоглобина было основной задачей. Сырое яйцо заменили омлетом, стали давать хлеб. Отменили капельницы с уколами, оставив некоторые таблетки, что говорило о нормальном заживлении раны, которое шло своим чередом. И вот, наконец, настал тот день, когда мне разрешили самому отправиться в столовую.

Что ж, снова о еде? Словно книга «О здоровой и полезной пищи». Знатоки тамошней кухни брали с собой в столовую соль и прочие приправы, ведь большинство из них находились здесь именно в связи с болезнями вызванными нарушением правильного питания, что требовало не просто соблюдения диеты, а именно еды исключаящей солёное, острое, жирное и тому подобное. Украдкой они отравляли свою полезную пищу всеми доступными средствами, включая кетчуп. Один из особенно одарённых больных умудрился накануне своей предвыписанционной гастроскопии проглотить принесённые ему гамбургеры. Товарищи откликнулись на просьбу своего кореша, соскучившемуся по «изысканной» кухне. В результате срок его выписки был перенесён на неопределённое время. Он был так удивлён и разочарован!

Я тоже никогда не был сторонником пресной еды. Однако желание скорее покинуть сию обитель превратило меня в удивительно послушного и даже примерного пациента. Кстати иной раз еда, предлагаемая за общим столом, мало отличалась от той, что приносили мне в палату по специальному меню. Однажды я даже стал невольным свидетелем разговора двух женщин за соседнем столиком, которые не могли прийти к единому мнению по вопросу крупы, из которой могла быть приготовлена поедаемая ими каша. Вероятно, именно консистенция данного блюда и длительность термической обработки не позволяла явно выделить вкус и форму приготовленного злака. Обед и ужин подобных споров не вызывал. Обед был главной трапезой дня. И первое, и второе были не просто сносными, а даже вполне себе приемлемыми. Вот только количество порции наводило на мысль, что её могли отобрать у воспитанников детского сада. Но это и правильно, ведь смиренный образ жизни не требует больших энергетических затрат. И вообще я, где то слышал, что человек должен выходить из-за стола с некоторым чувством голода. А ужин часто заставлял вспомнить поговорку, где его нужно отдать врагу. Может, разнообразие и было, но столь редкое, что практически незапоминающееся. В памяти твёрдо закрепились пара кусочков варёной свёклы, хотя, как свёкла может «закрепиться»? Бывала ещё свёкла тёртая, тоже пара ложек. Так что вечерняя трапеза дополнялась, или полностью заменялась запасами из холодильника, заботливо затаренными родственниками из списка разрешённых продуктов. Список был настолько скромным, что не требовал заучивания, но позволял скрасить часы вечернего досуга.

Как я уже отмечал, находящихся в больнице навещали их друзья и родственники. К чеченцу приходили регулярно. Чаще всего они уходили в холл, но если он лежал под капельницей располагались в палате. Подбадривали его, рассказывали новости.

К курящему дедушке не ходили. Врач допытывался у него о родственниках, которые могли бы принести ему хотя бы смену белья. Дедок уворачивался от прямых ответов. Было понятно, что родственники у него есть, а вот надежды на них нет.

Приходила жена истыканного иглами вояки. Не часто, ненадолго. К бомжу не ходил никто. Бомж постоянно спрашивал у кого-нибудь мобильный телефон для связи со своими соратниками.

Антонна навещала мама, но, не заходя в палату. Он сам спускался к ней. На территории больницы были дорожки, лавочки с цветочными клумбами. Тёплая погода позволяла прогулки под весенним солнышком.

Меня навещали регулярно. В самом начале, когда ещё не все родственники знали, что именно со мной произошло, старший брат, среди других гостинцев, привёз мне сушки. Сушки я люблю. Как раз в тот день меня навещали жена с сыном. Сын посмотрел на сушки:

– Ты бы ему ещё грецких орехов привёз!

– А что такое, – не понимал он.

– Папе нельзя ничего твёрдого, – сумничал сынишка, – ему можно всё только мягкое и жидкое.

– Ну, я не знал. Тогда сушки тебе!

– Спасибо.

Я проводил взглядом хрустящие сушки с маком до лучших времён.

Впоследствии мне привезли одежду, чтобы я смог выходить иногда на улицу. Весна стремительно возрождала к новой жизни всё живое, радуя своим натиском.

Часть 4. Выздоровление

В больнице значительно расширился круг моего общения. Те, мимо кого я обычно проходил мимо, здесь становились собеседниками. Общение с разными людьми началось ещё до того, как мне удалось начать передвигаться самостоятельно. Они просто периодически заходили, знакомились, болтали. В один из таких моментов, когда Вовка беседовал со мной о чём-то, в нашу палату вошла медсестра с очередной порцией уколов. Это была не просто медсестра. Это была та самая... Самая симпатичная медработница, которую можно было встретить в этих стенах. Сегодня её смена, а значит, уколы будут хоть чем-то скрашены.

– А ты почему не у себя в палате? – обратилась она к Вовке, – я у вас уже закончила.

– Я готов! – вскочил Вовка с края моей кровати. Резко повернулся лицом к окну, спустив штаны с трусами до колен.

Медсестра спокойно восприняла его готовность, воткнув шприц с лекарством в нужное место. Видимо такой способ заигрывания был ей не в новинку. Она с лёгкостью одарила своим вниманием каждого нуждающегося в лекарственной инъекции, и вышла из палаты.

– Эх, вот бы мне такую, – мечтательно произнёс Вовка, натягивая свои штаны.

– Другим местом надо было поворачиваться к ней, – попробовал пошутить бомж, но его одинокий смех никто не поддержал.

Бомж готовился к выписке. Любопытный субъект с непонятным мне образом жизни. Но его, кажется, всё устраивало. Почти безобидный он даже умудрился самостоятельно подстричься, стоя перед зеркалом. «Почти», это по тому, что блуждая по больнице, пока его не выписали, бомж успел привести к нулевому балансу мобильные телефоны многих пациентов. Ему постоянно нужно было куда-то позвонить «на минуточку», и болтал до бесконечности. Он звонил; узнавал, кто и где из его товарищей сейчас находится, наличие денег и ночлега, записывался на собеседования по каким-то вакансиям. Так продолжалось до тех пор, пока ему уже никто на этаже не давал свой телефон, – люди не могли связаться со своими родственниками. Наконец больница решила от него избавиться. Свои вещи он собирал с твёрдым намерением вступить в ряды ЛДПР. Некоторые больные с напряжением следили за своими вещами, причём не только в нашей палате. К концу сбора своего рюкзака бомж превратился в настоящего агитатора партии Жириновского. Обещал всем по пятьсот рублей и бесплатный обед новоиспечённому члену ЛДПР. Однако сам агитатор, отобедав на дорожку в больничной столовой, хотя всех выписывали строго после завтрака, всё-таки покинул гостеприимные стены. Позже оказалось, что одно зарядное устройство для телефона всё же бесследно исчезло вместе с бомжом, но не из нашей палаты.

Антон тоже много разговаривал по телефону. Его сеансы связи были вечерними, иногда даже ночными. Он всегда выходил из палаты для интимного разговора; от посторонних ушей, и чтобы не мешать отдыхать другим. А днём, бывало, переживал вечерний разговор со своей возлюбленной. Его явно тяготила вынужденная разлука с ней. Антон не на шутку задался вопросом, как повидаться с ней, во что бы то ни стало. Он был против встреч в больничном дворе. Ему хотелось предстать перед нею не больным, а здоровым. Антон мечтал увидеть её у себя на даче. Все его мысли были заняты этой проблемой, с которой он по обыкновению, поделился со мной.

И вот уже почти поправившись, он отпросился у медперсонала на воскресенье. Такое практиковалось. По выходным врачей нет, а у пациента только утренняя капельница, да вечером укол. К уколу, как к вечерней проверке, Антон должен был непременно вернуться. Иначе его сочтут самовольно сбежавшим из больницы. Наказания, конечно, за это не последует, но долечивать его не станут. Больница снимает с себя всю ответственность за отказавшихся от лечения пациентов. На том и порешили. Антон договорился со своей дамой сердца поехать

к нему на дачу. Встречу назначил на вокзале у электрички. Чтобы всё удалось, мы рассчитали время, привязав его к расписанию поездов. Естественно, что когда спешишь, а спешить нужно было на вокзал, всё происходит, как в плохом кино замедленного действия. И уколы с таблетками задерживают, и медсёстры дольше обычного обмениваются вчерашними впечатлениями, облокотившись на стойки с капельницами, словно позируя для скульптуры «Девушка с веслом». Наконец, дождались капельниц, словно в них не физраствор с лекарством, а нечто большее, без чего невозможно более существовать. Как медленно капает жидкость в трубочке, словно средневековая пытка. Конечно, мы все напрактиковались управлять интенсивностью капельницы. И всё же самый большой поток не давал гарантии, что Антон успеет к назначенному часу. Обсудив всей палатой эту реальность, мы пришли к единственно правильному решению, – слить большую часть раствора в подушку. И никаких следов. Всё было сделано точно. Этим обманом мы компенсировали потерю драгоценного времени нерасторопного персонала. Вызвали медсестру, которая отсоединила опустевшую ёмкость, и наш Ромео умчался к электричке. Вечером его ждали всей палатой. В больницу он не вернулся. Наверное, совсем поправился. Как необыкновенно целебно может оказаться всего одно свидание с любимым человеком.

Круговорот пациентов в больнице продолжался. Одних больных выписывали, других клали. Хотя выписывали всё же, наверное, уже здоровых, или стремительно выздоравливающих. Во всяком случае, тех, кто белее не нуждался в услугах медперсонала этого учреждения.

У нас в палате появился новый пациент. Его привезли из операционной, уложив вместо Антона. Дядьке удалили аппендицит. Неприятный и неаккуратный субъект. После операции к нему был прикреплен специальный мешочек на трубочке. Так он волочил его за собой по полу. Ему не мешал подобный «хвост», и ничуть не смущало, что другие пациенты принуждены любоваться подобным зрелищем. Другие люди с аналогичными пакетами закрепляли их на себе. Этот субъект раздражал. Он постоянно был всем недоволен. Какой-то кусок сплошного негатива на ножках. Этот «аппендицитник» был недоволен даже собственной женой. Ну, это дело хозяйское. Просто, когда она его навещала, он недовольно ворчал на неё, не стесняясь присутствующих. Гостинцы, естественно, брал, сопровождая это чуть ли не бранью. Бедную женщину было жаль. Она терпеливо сносила все его капризы. Не хочется и вспоминать...

А неутомимый Вовка никак не хотел оставаться холостяком. Он познакомился с одной любопытной особой из женского отделения. Молоденькая девчушка, которую можно было бы отнести к категории «выздоровливающих». Вечера они стали проводить вместе. Однажды я стал невольным свидетелем их беседы. Разговор был не о любви, поэтому мне не было нужды мгновенно ретироваться. К тому же я не прятался от их глаз, не подслушивал. Но, услышанное меня сильно удивило. Эта девочка рассказывала Вовке о своём двухтомнике. Она накатала роман на два тома! Теперь в её планах значился художественный фильм по этому произведению. Причём снимать картину девушка собиралась лично. Жаль мне не удалось с ней пообщаться. Какие интересные молодые люди могут оказаться в больнице!

Стал подходить долгожданный день моей выписки. Я это понял по контрольным проверкам, назначенным моему организму. Очередную гастроскопию я прошёл, как бывалый пациент. Результаты обследования были положительными. Теперь предстояло УЗИ брюшной полости. Раньше мне казалось, что это чисто женское обследование, где на мониторе рассматривают пол будущего ребёнка. Оказалось, что у меня тоже есть на что посмотреть. В кабинет меня пригласила молоденькая девушка. Уложила, измазала живот гелем и стала елозить по мне своим приборчиком, неприятно вдавливая его в меня. Девушка молча рассматривала мою брюшную полость минут десять. Дверь в кабинет резко открылась и на пороге появилась возрастная, уверенная дама, больше похожая на врача.

– Ну, что всё посмотрела, – поинтересовалась она у молодой девушки.

– Посмотрела, – робко ответила ей та, уступая своё место вошедшей.

Женщина вымыла руки, переняв эстафету, в виде приборчика, сканировавшим меня, села у монитора.

– Так, пиши, – распорядилась она действиями практикантки, и стала диктовать ей состояние моих внутренних органов.

«Тренируется на мне, – легкое недовольство промелькнуло в голове, – как на подопытном. Хоть бы проинформировали, не в морге же. Столько времени потрачено... Правда, времени у меня навалом, а вот завтрак с омлетом я уже пропустил навсегда. Но ладно, в холодильнике есть йогурты, сырки плавленые, ещё что-то не пропаду».

Тем временем обследование закончилось и мне оставалось только стереть с себя его гелиевые последствия полотенцем.

Вот, наконец, настал и мой день. Сходив на последний завтрак, я ждал свою «выписку». В которой, естественно, было наложено множество запретов и ограничений на моё будущее питание. Помимо общеизвестных и общепринятых к ним добавились и весьма необычные. Но, это такие мелочи, которыми нет смысла загружать посторонние умы.

Конечно, невозможно описать всех прелестей больничной жизни. Многие остались, как говорится: «за кадром». Никаких слов не хватит, чтобы передать полностью всю жизнь этого «мини – государства» с его обитателями и атмосферой. А назвать всё это в двух словах можно, как: «Больничный круговорот».

К счастью, это далеко не единственный круговорот на свете. И вот уже новый, – жизненный, подхватывает людей у ворот больницы, увлекая их, погружая в свою повседневную пучину.

Словно биатлонист, зашедший на штрафной круг, я пробежал его, и вышел на встречу к своим новым устремлениям.

Сентябрь 2016 года.

Финики

Ещё до отъезда Николай предвкушал свой будущий отдых. Его радовала не только мысль о морском побережье, но и о самой поездке на поезде. Именно в нём начинается полноценный отпуск. Всё лишнее остаётся на перроне вокзала. Этот вид транспорта, перемещает тебя в пространстве, сочетая дорогу с маленькими развлечениями. Можно ехать и одновременно гулять по проходу, сидеть или спать в купе, курить в тамбуре, глядя на мелькающие за окном пейзажи, обедать и, конечно же, читать давно отложенную для этого книгу. Тем не менее, проводница непременно подскажет тебе о прибытии поезда в пункт назначения, и что пора покинуть гостеприимный вагон. И если ты не едешь из Калининграда во Владивосток, то поездка в поезде может принести удовольствие.

На вокзале Николая не провожали. Он уже давно жил один. С женой они расстались, когда единственный сын женился и стал жить отдельно. Его размеренная жизнь приближалась к сорокапятилетнему юбилею. Новых приключений он не искал, а жил как-то по инерции, что не мешало ему чувствовать себя вполне удовлетворённым.

Поезд тронулся. Соседям по купе Николай приветливо улыбался, не вникая в суть их беседы, и не обращая особого внимания на всё происходящее. Следуя своему плану, он неторопливо прохаживался в тамбур на перекур, а возвращаясь, устраивался на верхней полке и читал книгу. Вечером, Николай посетил вагон – ресторан с его незамысловатым меню. Возвращаясь после ужина, задержался в тамбуре. Вдоволь насмотревшись в окно, он вернулся в своё купе, где безмятежно заснул на верхней полке под монотонный стук колёс отпускного поезда.

На следующий день, состав прибыл в пункт назначения. Бодрой походкой со спортивной сумкой на плече Николай вышел на вокзальную площадь искать остановку маршрутки с требуемым номером. Наличие санаторной путёвки придавало его хорошему настроению еще и беззаботной уверенности. Приморский город встречал отпускника солнечным теплом. Разместившись в номере, требовалось посетить врача для назначения процедур. Поскольку Николай был практически здоров, насколько ему позволял возраст, то и назначенные процедуры носили скорее профилактический характер. Покончив с формальностями, он отправился здороваться с морем.

Территория санатория была невелика, но имела свой пляж. К вечеру стало штормить, и о полноценном купании вопрос не стоял, но закатав джинсы по колено, он смело шагнул в воду. Приятная пенная прохлада остудила его ноги. Коля бродил по кромке моря, устремляя свой взор к горизонту. Граница бескрайности завораживала. Но вдруг, одна из более активных волн превысила закатанный уровень его одежды. Он отскочил, сделал пару шагов назад, решил, что для первого раза – вполне достаточно. Обулся и только теперь заметил одинокую женщину, сидящую на сложенных деревянных лежаках, смотревшую сквозь него в море. «Или куда она смотрит? – подумал Николай, – и что это за дрова такие? Теперь везде пляжное хозяйство из пластика». Он прошёл мимо, разглядывая облупившиеся голубой краской лежаки с сидящей на них женщиной. Ей было лет тридцать с чем-то. Её светлые распущенные волосы мягко отзывались на каждое дуновение ветерка. Открытое лицо казалось безмятежным или отрешённым. Он уже прошёл мимо незнакомки и только потом, через несколько шагов, обернулся. Она всё также сидела, опершись обеими руками чуть позади себя, подняв голову навстречу морскому бризу. Николай, опустил свой взгляд на закатанный джинсы и медленно продолжил путь в корпус.

Утром следующего дня, за завтраком он вновь увидел эту женщину. Волосы были заколоты, на ней была другая одежда, но это была она. Николай взглядом сопроводил её до столика. Две женщины и два ребёнка сидели вместе. «Две подружки с детьми, – констатировал он, –

или здесь познакомились, не важно...». Но завтрак, как-то уже незаметно отошёл на второй план. «Вчера вечером он почему-то вспоминал её перед сном, сидящую у моря... Теперь вот: снова она, в соседнем ряду, чуть впереди, перед глазами. Два столика вперёд и один в сторону, как ходит конь в шахматах, – почему-то подумалось ему». За его столиком тоже сидела семья с ребёнком. Николай пристальнее оглядел ресторан и обнаружил множественное детское присутствие. Пожилых людей почти не было. Немного молодёжи. Большую часть составляли люди среднего возраста с детьми. «Каникулы закончились, – соображал он, заканчивая завтрак, – прогульщики».

Первые дни Николай посещал соленые ванны, какие-то магниты, читал, гулял, но постоянно сталкивался с той женщиной. Чаще он видел её с детьми и подругой, реже только с детьми, а одну, наверное, только в день своего приезда, тогда на берегу. Если он не пересекался маршрутами с этой незнакомкой, то испытывал некий дискомфорт, начинал волноваться и искать её глазами. Найдя, успокаивался.

И вот однажды, на экскурсии в местный дендропарк, она вдруг оказалась одна. Подойдя к ней сзади, он решился заговорить.

– Красиво! Эти финики тоже съедобные? Я, прослушал...

– Попробуйте, – в пол-оборота сказала она, чуть улыбнувшись.

– Ну, я на пальму не полезу, а с земли как-то неудобно. А Вы сегодня без детей и подруги?

– Это моя сестра с детьми. У них сейчас процедуры.

– Я не представился, Николай, а Вас как зовут?

– Елена Сергеевна, – протянула она руку, повернувшись, и глядя ему прямо в глаза добавила, – Лена.

– Коля, – улыбнулся он смущением от неожиданности её взгляда и звучания собственного имени.

За неспешной сначала беседой они потеряли экскурсию из виду, и уже просто гуляли по дендрарию, не обращая внимания на коллекционные растения. Обменявшись краткой информацией о себе, они говорили о санатории, море, детях, и ещё, ещё, словно им нужно было непременно успеть именно сейчас, рассказать друг другу всё. О своём и чужом, о мыслях и мечтах, о погоде, наконец. Они разговаривали уже как старые знакомые, шутили и смеялись. Остановились в уличном кафе, пропустили своё обеденное время в санатории, словно не хотели туда возвращаться.

Уже этим вечером санаторная жизнь Николая круто переменилась. Детской дискотеке ему удалось избежать, но во взрослых танцах пришлось принять самое активное участие. Коля словно вернулся лет на двадцать назад. Он уже был уверен, что дискотечный период его жизни давно позади. Не возникало не только желаний, но даже мысли об этом, до сегодняшнего дня. Вдоволь наплясавшись, новые знакомые попрощались до завтра. Поток информации, впечатлений и физических нагрузок обрушившиеся сегодня на Николая привели его в санаторную постель с усталой, но блаженной улыбкой на лице.

Их знакомство стремительно развивалось, волшебным образом меняя окружающий мир. Менялись парк, море, небо, но главным образом менялись они. Каждый завтрак с их неизменной встречей был, теперь столь желаем и радостен, что казалось, без него просто остановилась бы жизнь. Процедуры были забыты, их посещала только её сестра с детьми. Николай с Леной ходили в бассейн, поскольку перемена в погоде с сильными волнами не позволили купаться в открытой воде, а только фланировали вдоль морского побережья. Иногда они уходили гулять по городу или уезжали на экскурсии. Главным и единственным условием, стимулирующим их поездки, было то, что они вместе. Вечерами они подолгу гуляли в парке у моря. У них даже появилась своя любимая скамейка в тени южных растений. Николай нежно обнимал Лену за плечо, а она держала его за другую руку, словно боясь отпустить. В её красивых и по-детски больших глазах отражалось тонущее в море Солнце. Светлые искрящиеся волосы благоухали необыкновенным

дурманящим ароматом. Голос, неподражаемо мелодично струился, прерываясь головокружительными паузами. Николай словно пребывал в ином измерении. Где-то в подсознании, временами всплывали попытки здравого рассуждения, но они захлёбывались в его чувствах и он тонул. «Неужели влюбился? Как глупо! Как это вообще возможно? – спрашивал он сам себя наедине, – я давно забыл, что такое любовь. Какое сильное, но беспощадное это чувство. Зачем оно мне? Я не хочу её обидеть, но не могу уже уйти. Неужели я ещё способен на что-то подобное»? Он с трепетом юноши целовал её на прощанье и уходил ждать нового рассвета, новой встречи с Леной. Николай словно оберегал их нежные чувства, боясь перешагнуть через роковую черту. Она стала дорога ему по-настоящему.

Утром, после завтрака, они пошли покормить чаек.

– Мы завтра уезжаем, – тихо сказала она, опустив голову.

– Как? – в недоумении остановился он.

Оказалось, что за всё время общения они даже ни разу не говорили о сроках своего отдыха и об отъезде. Вдруг теперь словно током, дрожью, ведром ледяной воды, – эта фраза пронзила Николая, вводя его в ступор. Он не знал, что сказать. Куда двигаться. Его глаза казалось, хотели вылезти из тесной и глупой головы. Лена тоже остановилась, глядя себе под ноги. Николай, очнувшись, молча подошёл к ней, крепко сжав её нежные плечи своими руками. Он будто хотел подавить то чувство, которое комом застыло в нём. Они стояли так молча некоторое время.

– Пойдём, чаек кормить, – сказала Лена сдавленным голосом.

Он уже не звучал, так как прежде, а Николай и вовсе потерял дар речи. Они молча бросали птицам кусочки хлеба, взятого из ресторана, а морской ветер, казалось, залетал до самой глубины опустошённой души с особым остервенением. Самыми глупыми и нелепыми сейчас могли звучать только заверения в скорой встрече, после возвращения с туманной перспективой отношений. Однако подумать, а тем более поверить в то, что на этом всё вот так и закончиться он просто не мог. «Но что думает она? Почему молчала раньше, сказала только теперь? Я не спрашивал или ей самой...», – мысли с вопросами перемешались в голове, – бред! Мы, что, больше никогда не увидимся?»

Подошли сестра и дети. Их голоса и охота за чайками вернули их на землю...

– У Вас какие планы на сегодня, – наконец выдавил из себя Николай, – собираться будете?

– Нет. Поезд завтра поздно вечером, – как-то вдруг по-детски задорно откликнулась Лена, резко повернувшись и отряхивая ладоши, – завтра и соберёмся! А сегодня мы просто отдыхаем, но если хочешь, можешь пригласить меня на прощальный ужин!

Она прыгнула с бетонной возвышенности присев на корточки рядом с племянниками.

Они ещё какое-то время собирали ракушки и камешки на память. Попытались играть в огромные шахматы на веранде. Говорили не понятно о чём, пытались смеяться.

Прощальный ужин устраивали в два этапа. Сначала в кафе – мороженое на пятерых, потом по-взрослому, – на двоих. Теперь они разговаривали мало и совсем по-другому. Обменялись телефонами и адресами. Пили сухое вино. Не пропустили ни одного медленного танца. Весь вечер держались за руки. Вернулись в санаторий уже совсем поздно. Расстаться было невозможно. Невыносимая щемящая боль терзала души. Они смотрели друг другу во влажные глаза. Её сладкие губы то целовали его, то шептали что-то нежное и ласковое, обволакивая горячим дыханием. Он сам целовал её, шепча слова любви и преданности. Лена осталась у Николая.

На завтрак они не пошли. Лена поговорила с сестрой по телефону, и они остались в номере. К обеду всё-таки пришлось выйти для воссоединения с родственниками. Потом были сборы вещей, сдача номера, наверное, ещё что-то. Николай бродил по территории санатория и мысли его путались...

Вечером поехал провожать их на вокзал. Купил цветы у говорливой торговки. Посадил всех в поезд. Не было ни слёз, ни рыданий, только скромный поцелуй в щёчку и последнее: «Я позвоню...». Выйдя из вагона, он вспомнил свой юношеский стишок:

«...Закрылась дверь последнего вагона
И скорый поезд набирает ход,
А ты стоишь и смотришь вслед с перрона,
Ведь мы расстались даже не на год...»

Вот только на перроне теперь остался он. Долго ещё стоял, всматриваясь в пустоту, наступившую вслед за ушедшим поездом.

«Какого чёрта? Что мне тут делать? Я не хочу в этот санаторий! Я не могу больше видеть этого моря!» Он вдруг рванулся в помещение вокзала.

– Девушка, один билет до ..., на ближайший поезд!

Купленный на эмоциях билет не может быть свидетельством досрочного отъезда из курортного местечка, или может? Утро вечера мудренее!

Февраль 2015 г.

Любовь – морковь, или картошка

В «Застойные» времена прошлого века, работал я в одном из многочисленных НИИ нашего города. Так повелось, что каждый район был подшефным для какого-нибудь сельского хозяйства. А поскольку шефы, как известно, помогают своим подшефным, по мере возможностей, вот и пришла в наше учреждение разнарядка, откомандировать людей для весеннего посева картофеля.

В ожидании отправления автобуса, ссыльные болтали между собой попарно, или на троих. В институте я был человеком новым, а потому не знал никого, с кем предстояло разделить приобщение к сельскохозяйственному труду.

– Привет! Ты куришь? – подошёл ко мне парень несколько старше меня.

– Да, – протянул я ему пачку сигарет.

– Да нет, у меня свои есть, – махнул он рукой, – и я такие не курю. Валера, – он протянул мне руку.

– Дима, – ответил я.

– Ты из какого отдела?

– Сборочного производства. А ты?

– Я из лаборатории защитных покрытий.

Так мы познакомился с Валеркой, весёлым парнем который воспринимал эту поездку, как «мини отпуск» от жены с ребёнком. Он их любил, конечно, но отдохнуть иногда хотелось.

Дорога оказалась долгой. Однако мне она не была в тягость; мой новый знакомый оказался словоохотлив и по-дружески делился своими знаниями.

Нас выгрузили у местного общежития. Накануне вечером здесь уже высадили небольшой десант из соседней организации. Нас приехало пятнадцать человек, двенадцать из которых, мужского пола, утрамбовали в одну из комнат местного отеля, а трёх наших женщин, – в отдельный номер. Чуть позже заехала и третья партия городских работников из десяти человек, в состав которой входили три молодые особы, сразу привлёкшие к себе всеобщее внимание. Их расселили аналогично: мальчиков – налево, девочек – направо. Коридор стал границей между мужской и женской половинами. Женской половине даже выдали ключи от комнат, как в настоящей гостинице, правда, по одному на каждую троицу.

Весь день мы обустроивались, знакомились с местностью. Вечером было решено устроить костёр, чтобы познакомиться друг с другом, ну и отметить начало новой трудовой деятельности.

На костёр собрались почти все прибывшие кроме тех, кто устал, или уже познакомившись, мирно спали. Всё начиналось несколько сумбурно. Наши женщины взяли инициативу в свои опытные руки, отстранив юное поколение соседок от закусок, да и вообще, от всего. К тому же у молодых работниц быстро образовался круг потенциальных поклонников. Валерка успел подсуесться на должность «разливающего».

– А ты чего? – толкнул он меня, наливая вино в кружку.

– Что, чего?

– Смотри, разберут девчонок...

– Что значит разберут?

– Ты я смотрю, на Ленку глаз положил? Всё косишься, а к ней очкарик чужой клеится. Лариска тоже ничего. Вот Оксанку Бог обидел малость, – заключил мой новый товарищ.

Очкарик действительно вёл себя нагло. Видимо алкогольный напиток придал ему не только уверенности, но и развязности. Я заметил, что Лена была не в восторге от своего ухажёра. Скорее она терпела его, чтобы не ссориться с первого дня. Ведь с этим типом ещё предстояло трудиться рука об руку, не один день. Однако мне его нахальная физиономия стала

сильно надоедать, и я решил пренебречь его симпатией к себе. Подойдя к Лене со словами: «Знаешь, что я хотел тебе рассказать» – взял её под локоток, отводя в сторону. Очкарик, было, дёрнулся за нами, но на его пути возник Валерка с бутылкой в руке и улыбкой на устах.

– Пей, малый, – плеснул он ему в кружку зелья.

– Ой, спасибо тебе большое! – сказала мне Лена, оказавшись в стороне от назойливого типа, – я уже не знала, как от него отделаться.

– Дала бы мне знак какой-нибудь – увёл бы тебя раньше.

– Какой знак? Мы все только познакомились. И я не знала...

– Уйдём отсюда, – перебил я её.

– Как, сейчас?

– А то придётся мне очкарика «уйти». Какой противный малый.

– Тогда уйдём, конечно, – улыбнулась Лена, – я только девочкам своим скажу.

– Вон Оксана, – показал я на подругу поблизости, – одной скажи, и хватит.

К нам подошла Оксана.

– Ваши женщины нас невзлюбили, – с укором высказала она мне.

– Естественно. Сколько вам лет? И сколько им? Но не волнуйся, я Лену уведу, их шансы на внимание серьёзно возрастут.

– Куда уведёшь?

– Гулять. Не волнуйся; верну в целостности и сохранности. Дверь только на ночь не закрывайте. Держи, – я вручил ей свою кружку, взял Лену за руку.

Отойдя от костра, почувствовалась сумеречная весенняя прохлада. Не отпуская ладони своей спутницы, я сунул её в карман телогрейки. За спиной послышалось нестройное завывание мужского хора «акапелло». В него стали вливаться женские голоса. Через пару минут нас провожало дружное, хоть и неразборчивое пение подвыпивших инженеров.

Так началась наша дружба.

– Сегодня в клубе танцы, – объявила мне Лена.

– Ты хочешь, чтоб я отбивался от всего села? – удивился я.

– А что придётся? – она сделала наивным выражение лица.

– Конечно, мы только в клуб зайдём, как местная братва тебя отцепит...

– Так уж прям? – кокетливо улыбнулась Ленка.

– Безусловно. А потом телогрейка с сапогами не самая танцевальная одежда. В клуб можем сходить завтра, когда кино будут показывать.

– Тогда пойдём гулять, – и она сунула руку в мой карман, приглашая меня.

– Пойдём, – я тоже опустил руку в карман. Её маленькая тёплая ладошка приветливо встретила мою. Прижавшись друг к другу плечами, мы медленно уходили по просёлочной дороге.

– А я себе иначе представляла нашу встречу.

– Нашу? Ты знала, что мы встретимся?

– Знала. Я представляла тебя именно таким, только встретиться мы должны были у моря, под пальмами. Хоть и говорят, что курортные романы там и остаются, но всё равно у моря романтичнее, – она подняла голову в мою сторону.

– Да, здесь романтики поменьше. Грязь, картошка... Хотя романтика ведь не снаружи... – я остановился, нежно обхватив её голову своими руками, – она внутри у нас.

Лена положила свои руки мне на грудь, чуть приподнявшись на цыпочках. Я склонился ей навстречу. Поцелуй получился необыкновенно трепетным, нежным, сильным и желанным

– Слушай, ты давай заканчивай, – вдруг начал Валерка свой разговор со мной после трудового дня.

– Что заканчивать? – не понял я его.
– А, интересно, почему должен подружек твоей пассии развлекать все вечера?
– Не знаю. Может, тебе самому хочется?
– Что опять сегодня Ленка якобы с ключами уйдёт? – задал он интригующий вопрос.
– Подумаешь, разок забыла.
– Да не разок. Два дня подряд её подруги у наших дам сидят.
– И что? Да, а ты-то сам, что там делаешь?
– Я Светлане Михайловне ремешок на часах чинил. А потом байки всякие втирал твоим подружкам беспризорным, пока в их комнате за стенкой кровать скрипела.

Я на мгновение замер.

– Что, так слышно?

– Здесь стенки-то «картонные», а кровати ржавые, – пояснил он.

– А раньше не мог сказать? – возмутился я.

– Ты сам не слышишь? – хмыкнул он с улыбкой, – третий день подряд я сказителем не буду. Да, кстати, подружки её тоже не глухие. На кровати нельзя... В лес гулять идите!

– В лес, отлично! Там грязи по уши. Какой тут лес? Так, перелесок между двумя дорогами. Только и смотри за дорогой да по сторонам. Кругом поля. А до ближайшего более – менее лесочка километра три гулять. Прохладно вечером... Постой, – прервал я разговор о лесе, – ты два дня ремешок чинил?

– Сейчас разговор не обо мне.

– И сегодня чинить будешь? Сложный случай?

– Я женат! – гордо заявил Валерка, – а потом, со своими, – никогда! Это тебе по молодости всё равно. Я просто скрашиваю даме вечер, что ещё тут делать? Портвейн хлестать, что ли? Дверь специально открытую держу, от греха и слухов разных. Вот Лариска с Оксанкой к нам в открытые двери и топают, куда им ещё деться-то?

– А остальные наши дамы где?

– Кто где... Гуляют. Погода вон хорошая. Не ветрено. Вот и вы гуляйте. Ваше дело молодое. Романтика. Прогулки под луной. Тенистый шорох косматой ели... Иль ты с ней только так... От скуки, пока здесь?

– Сам не пойму. Но мне с ней хорошо.

– Понятно, – хорошо!

– Дурак ты! Мне с ней и без этого интересно. Она действительно мне чертовски нравится! Я даже скучаю без неё. А вот любовь это или обычная влюблённость? Откуда мне знать.

– Вон мой бушлат ещё возьми, когда пойдёте, а то замёрзнете. Только поаккуратнее...

Наша картофельная командировка незаметно закончилась. Все разъехались по домам. В городе стояла по-летнему тёплая погода. Молодая листва блестела под приветливым солнцем. Птицы неистово галдели за окном.

Вчера я целый день ей не звонил. Хотел, но сдерживал себя, давая отдохнуть ей после поездки. Сегодня, с самого утра, ждал хотя бы девяти часов, чтобы не разбудить её звонком и наконец, набрал телефонный номер.

– Привет!

– Привет!?! – в голосе послышалось робкое, но радостное удивление.

– Ты успела отдохнуть от дороги?

– Почти. Я ещё вещи вчера разбирала... Ну, и другие там дела...

– Давай сегодня встретимся, – перебил я её запинаящийся голос.

– Сегодня? Я не знаю... А во сколько? Где?

– Можно у «Победы», сейчас. В смысле через час. Ты ведь рядом там живёшь?

У кинотеатра было не многолюдно, хоть день был выходной. Я прохаживался вдоль ступенек, поглядывая на часы и по сторонам. Лену заметил издали. Она шла мне на встречу необыкновенно красивая. Я впервые видел её в платье, туфлях. Волосы были собраны в новую причёску. Лена тоже увидела меня. Её, чуть торопливый шаг не изменился, только взгляд стал временами опускаться под ноги, как будто она искала что-то, или прятала свои глаза.

Я пошёл ей навстречу. Мы почти столкнулись.

– Здравствуй, Леночка, – тихо сказал я, протягивая ей цветы осторожно касаясь щеки губами.

Она прижалась головой к моей руке, запутавшейся в её волосах.

– А я тебя ждала. Но думала, что ты не позвонишь.

– Почему?

– Не знаю. Ещё там, вчера, когда мы уезжали утром. Я подумала, что всё закончится, как только мы уедем. Вы оставались там, а мы поехали. Я думала, что это всё. Как курортный роман. Теперь вдруг ты... с цветами...

– Курортный, хм. Ты что Ленка, плачешь?

– Нет. Это я вчера чуть не разревелась. А сейчас нет.

Я прикоснулся своими ладонями к её щекам и крепко поцеловал в губы.

– Ты всю помаду мою съешь, – сказала она глядя на меня широко раскрытыми, влажными от слёз, глазами.

– Я тебя люблю!

Лена молча улыбнулась. Её глаза заискрились светлой радостью.

– Пойдём в театр, – неожиданно предложил я.

– В какой? – удивилась она.

– Без разницы. Хоть в цирк, хоть на балет. Очень захотелось с тобой куда-нибудь... Не в кино.

– Я не одета для театра.

– Разве можно одеться ещё лучше? Ты прекрасна!

– Димка, ну тебя, – засмеялась она, – а билеты где?

– У метро есть касса. Или хочешь на дискотеку?

– А не боишься, что от кавалеров моих не отобьёшься? – с лукавством вспомнила она мои слова в совхозе.

– Естественно не отобьюсь! Но в городе есть преимущество, – полно больниц...

– Тогда в театр. Только я сама выберу, ладно?

Она взяла меня под руку, прижав к груди букет цветов.

Февраль 2016 г.

Снегурочка

Новый год – любимый праздник многих!

– Мой, тоже! – раздался голос из-под праздничной ёлки, – особенно с момента, когда потихоньку начинаешь прощаться со «Старым»...

– Почему «потихоньку»?

– Некоторые считают, что «Старый год» можно успеть проводить, сев за стол в одиннадцать часов.

– И правильно. Вам, что часа мало?

– Конечно, мало. Странный вопрос. А вспомнить всё хорошее... А поговорить...

– Да, ладно. Вам бы только выпить.

– И выпить приходится, для памяти. Вот Вы заметьте: рюмка – мысли просветляет, вторая – память пробуждает, расшевеливает... Ну, а уж третья, – и поговорить...

– Агас, директор!

Лидия Сергеевна – директор детского сада, царственной походкой вошла в актовый зал вверенного ей учреждения.

– Когда закончите наряжать ёлку, пожалуйста, Алексей Петрович, проверьте ещё раз гирлянду на уличном Снеговике. Как-то она не так мерцает, как в прошлом году.

– Конечно. Только ведь я понятия не имею, как она моргала в прошлом году. Я только с сентября у Вас работаю.

Лидия Сергеевна немым пристальным дозором обошла актовый зал. Отсутствие замечаний свидетельствовало о полной удовлетворённости «Хозяйки медной горы», как в шутку и за глаза прозвал её новый электрик, он же и плотник – Алексей Петрович.

– А, что Петрович, серьёзная жена-то у тебя? – продолжил прерванный разговор, после ухода директора, Николай – учитель физкультуры и дополнительных занятий по ОФП.

– Нормальная, жить можно.

– Алексей Петрович, – вступила в диалог Элеонора Семёновна, – преподаватель музыки, пения и режиссёр – постановщик детских утренников, – так Вы, во сколько начинаете проводить «Старый год»?

– По-разному. Строгого расписания у меня нет. Однако записка всегда должна быть в боевой готовности.

– Марина Николаевна, – обратился молодой физрук к учителю английского языка, – а ты дома Новый год встречаешь?

– Естественно, вот только не скажу в каком, – лукаво улыбнулась молодая девушка и молодой специалист, недавняя выпускница университета.

– Кокетничаете!?

– А ты в гости набиваешься, или хочешь пригласить?

– Мариночка Николаевна, я, как человек необременённый семейными узами готов к любому варианту.

– Коленька, а мама пустит?

– Мне двадцать шесть; уверен – пустит.

– А вот моя, не пустит.

– Я попрошу её.

– Она тебя не пустит. Ну и меня тоже.

– Стремянку уношу, – огласил Петрович, вылезая из-под ёлки, – так что, здесь точно отмечать не будем?

– Алексей Петрович, это же детское дошкольное учреждение, – удивилась Элеонора Семёновна, – не вздумайте принести сюда свои заначки. Лидия Сергеевна Вам устроит такой фейерверк.

Новогодний утренник в детском саду проходил в один день, но в два этапа. Небольшой зал просто не позволял одновременно вместить в себя всех детей со своими родителями, бабушками и дедушками. Сначала, поздравляли самых маленьких детишек. Вторым заходом шли старшие группы. Для полноценного утренника пригласили Деда Мороза со Снегурочкой из подрабатывающих студентов. В них дети гарантированно не смогли бы опознать работников детсада. Костюмы у студентов свои. Гонорары меньше, чем у профессионалов. А по необходимости, свободные воспитатели, или другие работники могли подыграть приглашённым, нарядившись лисичкой, зайчиком, или Бабой Ягой, в зависимости от сценария. Прежний электрик – плотник практически был штатным серым волком, похищающим то мешок с подарками, то разноцветные огоньки с новогодней ёлочки. Петрович категорически отказался пугать ребятшек, чем вынудил Элеонору Семёновну откорректировать сценарий праздничного мероприятия.

Николай, в образе Кощея Бессмертного, согласился похитить Снегурочку. Флуоресцентная краска на чётном трико под ультрафиолетом, в совокупности со спортивной подготовкой исполнителя, должны были произвести впечатляющий эффект на детей и их родственников.

Элеонора Семёновна распечатала новый сценарий детского утренника. Раздала экземпляры директору, воспитателям и другим, задействованным в мероприятии лицам с пометками музыкального оформления. Музыка, – являлась переходным элементом смены действий и ориентировала всех участников праздничного мероприятия. Каждый сказочный или реальный персонаж обязан был знать, в какой музыкальный момент он должен оказаться перед зрителями, что сделать, сказать, и когда исчезнуть. Первая, она же генеральная репетиция прошла подобающе коряво со шпаргалками, шутками, замечаниями, исправлениями. Деда Мороза со Снегурочкой заменяли Петрович с Мариной, не задействованные в утреннике, что позволяло им импровизировать и хохмить с большей непринуждённостью. Приглашённому Деду сценарий отправили факсом. Им не впервой, справляться без репетиций. А хороводы, песенки, снежки и прочие детские потехи всегда в арсенале любого затейника.

В день утренника Николай стал волноваться. Пренебрёг завтраком, лишь выпив крепкий кофе. Он не боялся ребятни. Легко проводил с ними все спортивные занятия. Дети его любили, с удовольствием участвовали во всех мероприятиях проводимых как в зале, так и на улице. Родителей Николай тоже не смущался. С детства занимаясь в спортивной школе, он многократно выступал на соревнованиях самого разного уровня. Такие залы всегда были полны родителей, дедушек, бабушек. Вот только на сцену он никогда не выходил. Хотя это и не совсем сцена: просто зал с ёлкой, где по краям сидят на лавках, стульях дети, их родные. Но всё же: костюм, слова, музыка, а по краям сидят зрители... Бравата, ещё вчера трепыхавшаяся в нём на репетиционном прогоне, пропала напрочь. Ведь это его первый и кажется последний Новый Год в детском саду. Ему обещали вакансию тренера в спортивной школе, куда он перейдёт следующим летом. Там наконец-то он сможет заняться своим любимым делом на более серьёзном уровне. Николай станет тренировать ребятшек и сможет готовиться сам, продолжая свою спортивную карьеру.

Снеговик в переливающейся гирлянде по-праздничному красочно встречал маленьких обитателей детского сада. Некоторые родители фотографировали своих детей рядом с улыбающейся скульптурой из снега.

Всю предновогоднюю неделю не прекращались осадки. Декабрьский план по снегу зима выполнила с лихвой. Тяжело вздыхали дворники, но радовались дети, забрасывая друг друга снежками. Ледяные горки уже не выглядели мрачными, собирая вокруг себя всё большее

количество желающих подвергнуть себя скользкому аттракциону. На территории детского сада каждая площадка всех возрастных групп красовалась своей скульптурной композицией. Дворник с охранником, и Петровичем, активно снабжали детей материалом для изваяний. Убранный с дорожек и катка снег превращался в колобков, снеговиков, лисичек и даже в крокодила. Однако Снеговик – исполин к возведению, которого приложили свой посильный труд многие, выглядел апофеозом снежного творчества. Его лепил охранник, некогда обучавшийся изобразительному искусству. Активную помощь ему оказывал Петрович. Многочисленные советы дворника мастера игнорировали. Раскрашивание было поручено преподавателю ИЗО. Метёлку и ведро, впоследствии расписанное под финифть, взяли у дворника. Фартук с морковкой у поваров. Гирляндой занимался всё тот же Петрович под пристальным руководством самой Лидии Сергеевны.

Предпраздничная суэта царила в актовом зале. Николай с Алексеем Петровичем заносили в зал дополнительные стулья и скамейки для участников и гостей, пожелавших присутствовать на Новогоднем празднике. Воспитатели проверяли мешки с подарками для своих групп, сверяясь с численностью детей прибывших на завтрак. Подписанные мешки прятали под ёлкой. Большая, нарядная лесная гостья упиралась своей макушкой в потолок. Под её пушистыми ветвями легко разместились все подарки. Элеонора Семёновна раскладывала перед музыкальным центром диски, согласно своему сценарию.

Всё шло по плану, кроме одного: не было Деда Мороза. Лидия Сергеевна в напряжённом волнении ждала Мороза с внучкой. Студенты – выпускники, подрабатывающие на детских утренниках, неприлично опаздывали. Марина боялась попасться директрисе на глаза, ведь это именно она посоветовала руководству пригласить на мероприятие своего хорошего знакомого.

Знакомый с посохом, мешком и девушкой появились почти в критический момент. Лидия Сергеевна, уже собираясь вносить серьёзные коррективы в сценарий, вышла к актовому залу, где вдруг в упор, столкнулась с высоким молодым человеком. Статный, с огромным мешком и серебристым посохом он, грудью заслонял свою напарницу, принимая огонь на себя. Но не успела директриса открыть рот, как была завалена лавиной поздравлений, извинений, вопросов, возмущений и негодований на бездействие городских коммунальных служб. Вынужденные: «Бросить свой автомобиль из-за невозможности проехать они продирались сквозь огромные сугробы, чтоб не огорчить маленьких детишек». Выскочившая из своего укрытия «англичанка» уволокла «опозданцев» в кабинет заместителя по учебно – воспитательной работе, отданный на праздник под гримёрку.

– Сашка, блин, какого чёрта? – зашипела на парня Марина, стараясь быть строгой, но негромкой, – я, как мышь тут прячусь от нашей...

Поцелуй Александра остановил гневную речь преподавателя.

– С Новым годом, Мариночка!

– До Нового года ещё дожить надо, – ласково ответила раскрасневшаяся учительница.

– Вот, знакомься, – Вика, – моя Снегурочка.

Девушка быстро поздоровалась, распаковывая мешок с костюмами.

– Ты всё помнишь? Снегурочку похитят, а дети своими новогодними стишками её освободят. Ты там что-то поколдуешь... Ёлочку зажжёте, хороводы, – сам знаешь...

– Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Лидия Сергеевна вошла в импровизированную гримёрку с суровым видом. Александр, успевший накинуть на себя атласную шубу, поправлял бороду перед зеркалом у двери. Вновь столкнувшись с Хозяйкой медной горы, он улыбнулся, широко раскинул руки в стороны, произнёс торжественно – приветственную речь теперь уже от имени Деда Мороза. Его сильный хорошо поставленный голос оставил каменную леди без реплик и комментариев.

– Лидия Сергеевна, позвольте... – подскочивший следом Николай попытался протиснуться в гримёрку.

Весть о том, что все в сборе поторопила его в кабинет заместителя директора. Во-первых, ему хотелось познакомиться со Снегурочкой, – естественное желание заранее увидеть ту которую ему предстояло похитить, да не один раз. А во-вторых, и в главных, для спектакля ему предстояло облачиться в «кощеево трико с костями». Зам по учебно – воспитательной работе собственноручно нашла тесёмки с флуоресцентной краской на костюме в виде скелета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.